

Карл Ясперс

Ф И Л О С О Ф И Я В Б У Д У Щ Е М х/

/ лекция шестая/

х/ Этой лекцией заканчивается публикация книги
К.Ясперса "Философская вера" . Первая- четвертая
лекции в альманахе за № 3, пятая и в № 1.

Философия хочет овладеть вечной истиной. Не является ли эта истина единой и неделимой во все времена? Возможно, — но она не станет нашей собственностью в определенной и общеупотребительной форме. Бытие раскрывается нам только во времени, истинное — во временном проявлении. Но во времени завершенная истина объективно недоступна. Ни отдельный человек, ни история не могут уловить ее ни в каком ином облике, кроме как вечно ускользающим, вечно меняющимся.

Как одиночка приходит каждый из нас к концу своей жизни, не зная, что же есть подлинное. В нашем пути нет завершенности, он обрывается, не достигнув никакой активной цели.

Философствование является как бы притчей хихикающих всех наших поступков. Нам приходится, говорит Кант, — именно в тот момент, когда мы готовы по настоящему заняться философствованием, передать это дело приговоришкам. Не следует принимать эти слова как опыт стареющего философа, закосневшего в сознании, что он уже овладел истиной. Нет, это форма духовной молодости в соединении с болью расставания.

Не является ли жизнь для будущего основным смыслом нашей деятельности? Думаю, что нет. Ведь будущему мы уже служим, действуя в настоящем. Не следует ожидать истинных ценностей только от будущего. И если настоящий момент действительно не может получить завершения в виде временного состояния, в котором можно было бы отдохнуть и продержаться, то все же существует возможность понять настоящий момент, как вечное пребывание во временном явлении. Присутст-

вие истины во времени, правда, неуловимо, как ускользающий взгляд, но тем не менее оно всегда есть.

Так, наша жизнь и ход истории двойственны: это и жизнь, служащая основанием жизни тех, кто придет после нас, и в то же время жизнь наперекор истории, жизнь только в настоящем, в направлении трансцендентности, которая освободит нас.

Это освобождение в завершении уничтожает время. Но если такое освобождение существует, оно некоммуникабельно, независимо от того осуществляется ли оно в эстетической игре, в умозрительных настроениях, размышлениях, в религиозном культе или в высокие мгновения единодушия между двумя людьми, — каждый раз оно тотчас же ставится сомнительным для последующего осмысления, знающего только о (мгновенном) явлении.

Если история — это проявление бытия, то истина присутствует в истории и каждый момент и никогда, она всегда в движении, теряясь, как только мы полагаем, что окончательно овладели ею. Вероятно истина является с наибольшей глубиной там, где движение в непрерывном ходе времени наиболее интенсивно. Сегодня мы попытаемся перед лицом прошлого осознать то характерное, что обуславливает нашу жизнь и наше будущее. Возникают вопросы: отходим ли мы сегодня от радикальности, которая будоражит глубины? Существуют ли для нас теперь новые возможности? Слышим ли мы требования, проистекающие именно из этой ситуации?

Мы отдаем себе отчет в следующем: тот отрезок, который занимает в мировой истории наша эпоха, значитель —

нее и результативнее, чем какой-либо другой отрезок в известной нам истории человечества. Его, вероятно, можно сравнить с неизвестной нам эпохой первого употребления огня, изобретения орудий труда, создания первых государств. Новые факты: современная техника с ее последствиями для трудовой деятельности человека и общества, система связи на земном шаре, которая как бы уменьшила его пространство до размеров эпохи римского владычества, — абсолютная граница через тесноту планеты, — антиномии свободы и производство личности и массы, мирового порядка и империи, — решающее значение людей, людей превращающихся из народов в массы, увеличивающихся численно, внешне единомышленников и соучастников, на деле же просто доброхотных рабов, — разрешение всех прошлых идеалов порядка и необходимости найти в нагромождении хаоса новый одухотворенный порядок, — сомнительность всех унаследованных ценностей, которые должны либо утвердить себя, либо подвергнуться преобразованию, — ко всему этому конкретная политическая ситуация, определяемая мировыми державами — Америкой и Россией — все уменьшающаяся разорванная Европа, но до сих пор не пришедшая в себя, — пробуждение громадных человеческих масс в Азии, которые в будущем созреют в решающую политическую силу.

Из эпохи буржуазного довольства, прогресса, образования, исторических воспоминаний, как опоры мнимой уверенности, ход вещей привел в эпоху опустошительных войн, массовых смертей и массовых убийств (при неисчерпаемости новых масс), зловещих угроз угасания гуманности в водовороте, где

царит разложение.

Что это— духовная революция или, напротив, сугубо внешний процесс, вытекающий из технического развития и его последствий?— неотвратимое несчастье и еще неясная, необычайная возможность, нечто, поначалу просто уничтожающее все на своем пути, в то время как человек пробуждается и начинает реагировать на происходящее и вместо бессознательного отречения от него начинает приспособливаться к совершенно новым условиям своего существования?

Картина будущего представляется более неясной и неотчетливой, хотя, может быть, более обещающей и одновременно более безутешной, чем когда бы то ни было. Когда я пытаюсь осознать в ней задачу человеческого бытия— не в связи с непосредственными требованиями существования, а в связи с вечной истиной— я обращаюсь к философии: Что требуется при нынешнем положении мира от философии?

Сегодня можно встретить разнообразные проявления фактического нигилизма. Существуют люди, которые как будто преступили, поступились собственным бытием, для которых, по-видимому, ничто не представляется ценным: нетвердой походкой перебираются они от одного мгновения к следующему, равнодушно умирают и равнодушно умерщвляют, но живут они как бы в хмельном спектакле, где главенствует количественность, в слепых фанатизмах всевозможного рода, живут, одержимые элементарными, бессознательными, могучими, но быстро угасающими аффектами и судорожной жадной мгновенного наслаждения.

Если прислушаться к словам, произносимым в этой су-

ете, они представляются завуалированной репетицией готовности умереть. Воспитание масс делает их слепыми и бездумными, в упоении своей покорности готовыми ко всему, в конце концов, даже к безоговорочному принятию смерти и убийства, массовой гибели в машинной борьбе.

Но и самая светлая философия тоже учит готовности умереть. Она хочет найти обоснование, благодаря которому умирание будет если не объяснено, то хотя бы выносимо в тяготах страдания — не со стоической, а с доброй и доверительной непоколебимостью.

Однако и нигилизму и философии не удастся осуществить свою цель в полной мере. Нигилизм живет, благодаря всяческим маскировкам; срывание покровов обрекает на отчаяние тех, кто еще не погрузился в тупое равнодушие. Философия не дает уверенности, ее нужно завоевывать ежедневно, и в конце концов, она все-таки оставляет вас на произвол судьбы. Промсходящее же между нигилизмом еще не совсем разложившимся и философией, еще не набравшейся сочувствия, в реальных ситуациях носит зловещий характер. Вот два наглядных примера, относящихся к 1938 году: некий молодой человек в соответствии с духом времени говорит о необходимости создания империи. Он, по-видимому, полон энтузиазма. Я прерываю его вопросом: а какой смысл и в этой империи и в той войне, которая должна к ней привести? Ответ: Смысл? Никакого смысла! Это неизбежные вещи. А какой-то смысл будет, например, в том, что я во время боя, рискуя жизнью, доставлю воды изнывающему от жажды товарищу.

Некий студент 9 ноября 1938 года принимал участие в еврейском погроме в качестве начальника штурмового отряда. Он рассказывает об этом своей матери. Сам он проводил акцию по возможности мягко.. В одной квартире он схватил тарелку, с грохотом разбил ее об пол и крикнул своим товарищам: "Я вижу, что квартира уже разгромлена" — и они ушли из квартиры, не тронув ее. Но дальше он рассказывает, что этот день произвел на него большое воодушевляющее впечатление: стало очевидным, какие силы дремлют в народе и на что он способен. Это позволяет надеяться на хорошие перспективы в наступающей войне. Он вкратце рассказывает о ~~жизни~~ новом образе мыслей и о величии фюрера. Потерянная мать прерывает его: "Мальчик мой, да ты же сам не веришь во все это!" Немного оторопев вначале, он решительно заявляет: "Да, не верю, но верить надо!"

Первый из этих двух нашел опору в простейшем гуманизме, правда, замутченном империалистическими настроениями, пусть даже не воспринимаемыми всерьез, второй же всерьез полагал: дело не в том, во что верить, а в том, чтобы верить. Странное извращение. Вера становится верой в веру.

Этому соответствуют многие направления, стремящиеся быть нигилистическими и положительными в одно и то же время: они хотят смело отказаться от всякого смысла и утверждают в качестве одного добровольно избранную бессмысленность. Поощряется как заслуга "бесполезная служба" — жертвование всем, но жертвованием ни для чего — поощряется

страстное утверждение чего-то вообще, фанатическая решимость во имя ничего. Люди хватаются за старые слова-честь, любви к отечеству, верность, но тут же все предают, столкнувшись с государственным механизмом, с приказом, террором, и тем самым доказывают, что все это слова и не более, чем бутафория.

Люди вырабатывают поведение в железной маске — напряженное, на грани взрыва; безоговорочность, лишенная содержания. Это отчаянное положение диктует свои заповеди. Любой ценой превозносят "динамику", выражают ликование по поводу "движения" как такового, приветствуется пришествие нового и разрушение старого. Восхищаются великими тиранами прошлого — Чингиз-ханом, Чжи Хуанг Ти, Агафоклом и, как всегда, Александром, Нэзарем, Наполеоном.

И тут же приветствуют возврат к прошлому. Примитивное таит в себе очарование и вечную истину — будь то доисторические времена или быт диких племен. Восхваляется средневековье, великие формации рабских состояний и империй, давших свой стиль последующим столетиям.

Выдвигают требования нового мифа, который грубо выстраивается в диктаторских движениях или утонченно вращивается в образованных кругах, культивирующих Гельдерлина и Ван Гога (или даже их эпигонов). Совершенно забывают при этом, что эти великие составляли чудесное исключение, и их самобытность в основном была связана с разрушительным душевным заболеванием. Присутствие в них истинно мифического необычайно впечатляет в нашем немифическом современном мире. Чистая душа Гельдерлина и впрямь незабываема, миф этой души околдовывает людей, войти в круг

этого мифа— блаженство. Но все это миф ненастоящий, ибо он действителен только в этих одиночках, у него нет общества и поэтому он вдруг может превратиться в ничто.

Всегда существует заповедь религиозных вероисповеданий. Когда все гибнет в вихре бессмысленности— они доказывают свою стойкость. В соответствии с духом времени, чужающимся свободы, они попеременно проявляются то в анархии, то в диктатуре, усиливая свою ортодоксальность, ныне уже неограниченную и свою манеру полного закабаления человека— но они уже не в состоянии восстановить то, что представляла собой религия в прежние времена: глубокое проникновение в повседневную жизнь, от рождения до смерти— в те границы, где совершается все и где человек чувствует себя дома. Теперь же религия представляет лишь отдельную область жизни, воскресение среди будней.

Религии с их альтернативой "или нигилизм или откровение" отстраняют философию. Философию обвиняют в том, что она является интеллектуальным источником недугов современной души. Но о конце философии мы слышим не только от тех, кто хотел бы с помощью своей альтернативы склонить нас к религии откровения. Конец философии был провозглашен и национал-социалистами, которым казалась непереносимой независимость философского мышления. Философию призывали заменить биологическим мировоззрением и антропологией. Каждый приверженец нигилизма отклоняет философию как мир иллюзий, неосуществимых мечтаний, болезненных самообольщений... Для нигилизма и религия и философия представляются уже подошедшими к своему исходу.

Новое для него— это лишенный всяких иллюзий человек, без опоры и без цели. К тому же и распространенное общественное мнение считает философию по меньшей мере излишней; ведь философия будто бы слепа в настоящем мире с его силами зла, с его порывами.

Спрашивается: для чего существует философия? Философия не помогает. Платон не только не сумел помочь грекам избежать гибели, но косвенно даже внес свою лепту в ее приближение. Все отрицания философии исходят либо из твердого религиозного содержания, которому философия могла бы повредить, либо из насущных потребностей, для которых философия бесполезна, либо из нигилизма, отвергающего все, в том числе и философию как нечто, не имеющее ценности. Но в труде философствования совершается то, чего не видят все хулители: в нем человек обретает свои истоки. В этом смысле философия безусловна и бесцельна. Ее нельзя ни обосновать чем-либо иным, ни использовать на потребу чему-либо. Она— не бревно и не соломинка, за которую можно ухватиться. Философией нельзя распоряжаться. Ее нельзя воспользоваться. Отважимся утверждать: философия не прекратится до тех пор, пока живут люди. Философия выдвигает требование: выявить смысл жизни помимо всяческих жизненных целей— обнаружить тот смысл, который заключает все эти жизненные цели в себе,— как бы наперекор жизни действительно осуществить этот смысл в настоящем времени,— одновременно служить собственным бытием будущему,— никогда не сводить человека как понятие или какого-то одного человека до уровня только средства.

Неизменная задача философствования: стать собственно человеком, овладев бытием; или другими словами, стать самим собой, познав Бога. Осуществление этой задачи отмечено также неизменными свойствами.

Ныне, как и во все времена, необходимо выполнять работу философского ремесла: развертывание категорий и методов, структурализация нашей основной науки, — ориентирование в космосе наук, — философско-исторический натиск — развитие умозрительного мышления в метафизике, просветляющего мышления в экзистенциалистской философии.

Во все времена существует цель завоевания **н е з а в и с и м о с т и** человека как отдельного индивида.

Каждый раз задача заключается в напряжении: найти независимость вдали от мира, в отказе и в одиночестве, — или в самом мире, через мир, действуя в нем и не распадаясь. Тогда лишь тот является философом, кто желает получить свою свободу не иначе как со свободой других, желает жизни только в коммуникации с людьми, — он похож на Конфуция, которому дурак прокричал вслед: "Это человек, который знает, что дело не идет, и все же продолжает действовать", — он ищет правду не для конечного знания, абсолютизирующего свою кажимость, но такую истину, которая не способна поколебать более глубокую истину философской веры.

Философия обращается к отдельному. В любом мире, в любом положении в философии происходит возврат отдельного к самому себе лишь постольку, поскольку он является самим собой и пребывает в одиночестве, — он может вступить в

истинную коммуникацию.

Можно ли внутри так сформулированных неизменных задач философии сказать что-либо о ее современной задаче?

Мы слышали, что вера в разум исчерпала себя. Великий шаг XX века — дискредитация логоса, идеи мирового порядка. Некоторые торжествуют, провозглашая освобождение жизни, другие жалуются на величайшее предательство духа и тот рок, который может привести человечество к гибели.

Здесь следует сказать следующее — этот шаг обладает истиной, поскольку он разрушил самоуспокоенность рассудка, теперь покинутого разумом, разоблачил иллюзию мировой гармонии, снял доверие к правовому состоянию и законам в себе. То были величественные на словах позиции, за которыми скрывалась низость жизни, разоблаченная психоанализом, этим психотерапевтическим движением, расширившимся до странного мировоззрения, с частичной истинностью, противопоставленной изолгавшемуся столетию и зависящего от него.

Когда все срублено, остаются лишь корни. Корни — это источник, из которого мы выросли и о котором позабыли среди спутанных мнений, привычек, схем.

Сегодня задача обоснования собственного разума заключена в самой экзистенции. Это самое насущное требование духовной ситуации, определенной Кьеркегором и Ницше, Паскалем и Достоевским.

Исполнение его не может стать воспроизведением того, что было. Сегодня, по-видимому, это требование должно со-

держат следующие моменты:

1. Мы ищем покоя посредством постоянного возбуждения нашего беспокойства.
2. От нигилизма мы переходим к принятию традиций.
3. Мы ищем чистоты наук как предпосылки к истине нашего философствования.
4. Разум становится безграничной волей к коммуникации.

1. Мы ищем покой посредством постоянного возбуждения нашего беспокойства.

Покой является целью философствования. В самом чудовищном разрушении мы хотим быть уверенными в том, что останется, поскольку это существует всегда. — В беде мы осмысливаем наш источник. — При смертельной угрозе нам хочется думать о том, что нас поддерживает.

Философия и сегодня может принести нам то, что уже знал Парменид, построивший Богу культовое сооружение в благодарность за покой, обретенный им, благодаря философии.

Но сегодня так много ложного покоя.

Это ужасно: сегодня, несмотря на все потрясения и разрушения, мы еще подвержены опасности жить и думать так, как будто ничего существенного не произошло.

Все происходит так, как будто великое несчастье разрушило прекрасную жизнь, ворвавшись в нее подобно урагану, но жизнь, тем не менее, продолжает идти по-старому, она идет так, как будто бы ничего не случилось. В страшные, безнадёжные или яростные мгновения жалуются на других.. Кто чувствует себя подобным образом, тот еще кута-

ется в обноски, создающие иллюзию покоя. Этот покой нужно обратить в беспокойство. Поскольку он опасен. Совершающееся сегодня может миновать безмерно большую беду, но если люди не станут иными, мы не уясним трансценденцию и не просветлим деятельность. Чудовищная потеря сознания погрузит нас в невероятную узость.

Примером ориентации, но не подражания, может послужить время еврейских пророков. Палестина, существуя между Востоком и Западом, между великими государствами Вавилоном и Египтом, разорванная, опустошенная, мячик политики великих мира сего, присоединяемая то к одним, то к другим, должна была пережить свое политическое падение. Тогда явились пророки, советующие вступить в союз с Востоком или с Западом для того, чтобы получить оттуда помощь и радость счастливого бытия. Против этих священных пророков выступили несвященные, которые до сих пор носят великое имя. Они понимали ситуацию и отрицали всякое соглашение как с Востоком, так и с Западом. Они заранее предвидели наступающее несчастье, но они постигли его не как случайное событие и результат бессилия перед сверхмощной военной машиной, но как смысл, который непостижим через частное. Только Бог может свертывать мир как корру, только Он позволяет ассирийцам подчинять себе народ за народом и разорять, как разоряют птичьим гнезда. Он руководит ходом вещей, ~~людей~~ люди и государства служат ему инструментами, ибо они делают то, что должны делать, не подозревая, что выполняют волю Бога. Пророки, говорившие так, хотели разбудить свой народ, а позднее и все человечество.

Лишь один совет давали они: служить Богу чистой нравственной жизнью. Мир создан из ничего и в себе он тоже ничто. Смысл заключен в том, что делает человек, подчиняясь Богу. Желание Бога заключено в безусловности десяти заповедей.. То, что в данный момент желательно Богу, открывается пророкам, которые передают волю Бога остальным. Но воля имеет много смыслов. Он не обращается прямо к человеку. Необходима почти непостижимая скромность незнания. Вопросы Иова не находят ответа. Высшую точку смирения представляет собой старый Иеремия

Мы ни в коем смысле не пророки. Нельзя даже подражать тому, что ранее было великим. Но сравнив ситуацию, можно почувствовать, что за беспокойство гнездится в нашей душе и какой покой может быть обретен.

Некоторые аналоги пророкам имеются и в наше время. Кьеркегор и Ницше, которые были потрясены ужасом перед судьбой человечества и безнадежно пытавшиеся разбудить спящий мир, еще и сегодня неуклонно вторгаются в наш основной опыт. Еще и сегодня их цель действительного пробуждения не достигнута.

Но они сами были исключениями, а не примерами. Следовать за ними можно только против их собственной воли и не всякий, кто их понимает. Одновременно они были жертвами и пророками века. Оба соединяли глубочайшие истины со странным и чуждым нам позитивизмом. Кьеркегор предложил интерпретацию христианства как веру в абсурд, как не активное решение, исходя из которого нельзя получить специальность, вступить в брак... и, следовательно, только

мученичество является подлинным христианством, — подобная интерпретация должна означать конец христианства.

Ницше явился с идеями о воле к власти, о сверхчеловеке и вечном возвращении, которые, хотя и способны вскружить кое-кому головы, но по сути своей так же не приемлемы, как и перевернутое христианство Кьеркегора. Но большинство опровержений, написанных против Кьеркегора и Ницше, бессмысленны, подобны требованию продолжить сон. Они заключают в себе тривиальные истины, но теряют при этом остроту, которую Кьеркегор и Ницше вселили в нашу совесть. В будущем, ~~жизни~~ невозможно подлинное развитие философии, которая бы не учла истоки обоих великих концепций. В распаде их собственной деятельности и в жертве их собственной жизни они обнаружили нечто незаменимое. Они остаются живой совестью до тех пор, пока существует ложный покой.

2. От нигилизма мы приходим к принятию традиций..

Беспокойство означает, что нигилизм стал для нас нашей возможностью. Мы знаем о распаде норм, о беспочвенности, ведущей к тому, что никакая вера и никакое общественное самопознание не соединяют более народ. Некоторые получили этот опыт уже во времена Ницше, некоторые в 1933 г., другие позднее, сегодня вряд ли найдется мыслящий человек, который бы не имел его. Возможно, что сейчас мы пришли к тому, что слышим голоса всех надломленных исторических моментов. И призыв тех, кто пережил их. Нигилизм и в качестве движения мысли и в качестве исторического опыта, становится переходом к более глубокому усвоению

исторической традиции. Ведь нигилизм с самого начала был не только дорогой к первоисточнику — он, нигилизм, так же стар, как и сама философия, — он был тем же кладом, в котором охранялось золото истины.

С самого начала в философии присутствует нечто недолимое. В коловращении человеческих состояний и задач наличного бытия, в прогрессе науки, в разворачивании категорий, в методах мышления выражается лишь потребность постичь вечную истину новыми средствами с новыми возможностями личности.

Задача наша заключается в том, чтобы вновь удостоверить в крайнем нигилизме, вытекающем из этой вечной истины. Возникает потребность присвоения традиции не внешним способом, не через простое созерцание, но внутренне, как будто она является собственным делом.

Отсюда следует, что мысль о прогрессе, верной для наук, следует пренебречь в подлинной философии. Ложный взгляд считать раннее более чуждым, чем позднее, поскольку оно только ступень в дальнейший прогресс и интересно лишь с точки зрения истоков.. Новое, как таковое, принималось ошибочно за истину. Обнаружение этого нового было целью истории. Подобная позиция присуща философам последних столетий. Они вновь и вновь надеялись чем-то новым преодолеть прошлое в целом и начать абсолютно новую философию. Так обстояло дело у Декарта, в очень скромной форме и с большой силой выражения присутствует у Канта, его можно найти в высокомерии, так называемых немецких идеалистов — Фихте, Гегеля, Шеллинга и, наконец, у Ницше.

Вслед за трагедией наступило время сатурналий. Когда в 1910 году в первом номере "Логоса" была опубликована статья Гуссерля о философии как о строгой науке, в которой он провозглашает себя самым последовательным представителем своей науки, то произошло разделение духов. Несмотря на все уважение к рациональной дисциплине феноменологии и неокантианства, многие, пренебрегая этими требованиями, искали сущность философии в традиции как в вечной истине, а все новое почитали чем-то сомнительным. Несмотря на это, тон агрессивных новшеств продолжал свое существование и только сейчас он начинает исчезать.

Исследовательская мысль была формой, в которой познание первоначального неправильно постигала себя, как исторически новой, поскольку философия путала себя с современной наукой. К этому можно добавить: воля к власти, к господству, к оценке захватывала философию. Философия — это нечто совсем другое, чем она явилась в этом соскальзывании; нечто вечное стало настоящим с тех пор, как человек осознал себя философом. Отрыв от исторического основания в пользу новизны и использование истории как источника, из которого черпают материал для произвольных интерпретаций, прокладывает себе путь к беспочвенности нигилизма. Мы не должны подчиняться абсолютизации явлений прошлого, мы не должны дистанцироваться в созерцательном наслаждении прошедшее, но прежде всего мы обязаны оставаться на исторической почве. Сделав это, мы, благодаря болезненной операции, преодолеем нигилизм и возвратимся к подлинной истине.

Отвоеванная у нигилизма позиция позволяет по-новому

взглянуть на историю философии. Три века истории философии становятся как бы единым настоящим. Одну истину скрывают в себе разнообразные фигуры философской мысли. Гегель был первым, кто пытался осознать единство этого мышления, но он сделал это так, что все более раннее стало пред-историей и частичной истиной по отношению к его собственной философии. Необходимо кажсекундное завершение философии превратить в такое постижение, которое в постоянно возобновляющихся коммуникациях рассматривает великие явления прошлого не как преодоление, а как современное.

Осуществленная философия осознает свое теперь-бытие как явление начала и осознает себя как неизбежность традиций, как воспоминание, без которого мы погружаемся в ничто простого мгновения без прошлого и будущего. В переходном бытии временности она познает настоящее и одновременно существование истинного, временно.

3. Мы ищем чистоты наук как предпосылки к истине нашего философствования.

Предпосылкой техники, изменяющей наше бытие, является современная наука. Но эта наука идет гораздо дальше. Эта наука с точки зрения духа — глубокий разрез человеческой истории, который — в отличие от техники — вполне осознается лишь небольшой группой людей, лишь немногие участвуют в ней, в то время как масса продолжает жить преднаучными формами мысли и лишь использует результаты науки, подобно тому, как некогда примитивные народы примеряли цилиндры, фрак и бусы.

После попыток, предпринятых во времена античности,

лишь в новое время, пришедшее за средневековьем, решилось предпринять безграничное исследование, беспощадно самокритичное, распространяя его на все, что может происходить и происходит в мире.

Наука, действуя в мире методично, наделена принудительным и всеобщим знанием, она завоевывает единодушное признание, критически осмысливая себя, систематически убеждается в цельности своего обладания, никогда не завершена, но существует, прогрессируя, стремясь в неизвестное. Все, что появляется в мире, она превращает в свой предмет. Она открывает то, о чем даже не подозревают. Она обостряет и проясняет наше сознание сущего, образует предпосылки к практическому освоению и производству, цели которого лежат за ее пределами, но она может сделать и их своим предметом исследования.

Наука — это неизбежное условие философствования. Но возникшая, благодаря науке, духовная ситуация потребовала от философии разрешить такие задачи, которые раньше не осознавались как насущные:

1. Наука должна обнаружить себя в полной чистоте, поскольку в действительности ее использования и осознания ей присущи ненаучные утверждения и установки. Чистая и строгая наука достигает своего идеала в отдельных выдающихся личностях, а вовсе не в цельности нашего духовного существования.

2. Следует просветлить и преодолеть веру в науку. В наш век возрастающего безверия к науке прибегали как к основанию, казавшемуся твердым, верили в так называемые научные достижения, слепо подчинялись иллюзорным очевидностям, думали, что благодаря науке и плану можно установить

порядок в целом мире, ожидали, что наука укажет на цель жизни, чего она никогда не сможет сделать — и ждали, что мир будет познан в целом, что тоже не доступно для науки.

3. Нужно по-новому рассмотреть саму философию как методологическую дисциплину. Она является наукой в самом древнем и постоянно пребывающем смысле методического мышления, но не наукой в чистом современном смысле исследования вещей, ведущего попросту к всеобще-одинаковому для каждого, принудительному познанию. Извращенное отождествление философии и современной науки, сделанное Декартом и созданные его веком заблуждения присвоили науке минимую тотальность знания и испортили философию. Сегодня чистота наук может быть обретена с чистотой философии, но они не являются одним и тем же, философия — это не специальная наука наряду с другими, но она и не завершающая наука, выступающая как результат, она так же не может быть основополагающей наукой, укрепляющей другие.

Философия привязана к науке, она размышляет в среде наук. Без чистоты научной истины ее истина вообще недостижима. Наука пребывает в космосе наук и находится под влиянием философских идей, выросших внутри разных наук, но научно необоснуемых.

Новое осознание истины возможно лишь на основе наук последнего столетия, но оно еще не достигнуто. Работа по его осуществлению принадлежит к насущной необходимости исторического мгновения.

Против распада науки на безотносительные специальности, против научного суеверия в массах, против падения

философии в несерьезность должно выступить исследование и философия в союзе с осуществляющейся в пути истиной.

4. Разум становится безграничной волей к коммуникации.

Благодаря уверенной оценке всеобщего, проникающего в повседневность, вплоть до последнего времени существовала устойчивая связь в человеческом общении и коммуникация не выдвигалась в число особых проблем. Удовлетворялись следующей истиной: мы можем вместе молиться, а не говорить. Сегодня, когда мы больше не можем молиться друг с другом, мы приходим к осознанию того, что человечество неизбежно связано коммуникациями между людьми.

Бытие как явление разорвано на множественности людей, множественности вер и исторически-преходящих сообществ. В объемлющем сознании тождественны лишь наука и техника. Но они способны образовать лишь абстрактное, всеобщее сознание; для действительного человека они представляют собой целое и средство борьбы и средство коммуникации одновременно.

Все действительное в человеке исторично. Но историчность одновременно обозначает множественность историчности. Отсюда требовательность коммуникаций:

1. Прикоснуться к исторически другому, не изменяя собственной историчности.

2. Заставить парить объективность становящегося, не ослабляя значение истинного.

3. Покончить с притязаниями на исключительность, поскольку они прерывают коммуникацию, не теряя безусловности

своего основания...

4. Вести неизбежную войну с исторически другим, постоянно превращая ее в любящую борьбу, в самосознание через истину, а не в изоляцию и не в исключительности, не в пугантизм разобщенности.

5. Завоевать направленность в глубину, которая обнаружится лишь в разделенности на разнообразные виды истинности, к одной из которых я принадлежу, в то время, как другие касаются меня и вместе со мной устремляются вглубь.

Философская вера неотделима от неустанной готовности вступить в коммуникацию, поскольку собственная истина возникает при встрече веры лишь в современности объемлющего.

Отсюда суждение: лишь верующие могут осуществить коммуникацию. Напротив, неистинность возникает из фиксирования такой веры, которая лишь на отталкивание. Отсюда суждение: не стоит разговаривать с противником по вере. Философская вера постигает любое стремление к разрыву и любое принуждение к нему, как дьявольщину.

Против философской веры в коммуникацию направлен упрек: эта вера в коммуникацию утопична. Люди не таковы. Они движимы своими страстями, стремлением к власти, своими конкурирующими наличными интересами. Коммуникация почти всегда не удается, в массе же она невозможна. Самое лучшее — установить порядок договоренности и законов — лишь они способны приглушить сквозную безудержность и низкие страсти, препятствующие коммуникации. Требовать от человека слишком многого — значит разрушать его. Против этого

можно возразить:

1. Люди не являются тем, что они собой представляют, они- задача и вопрос для самих себя: все тотальные высказывания обращенные к ним, говорят больше того, что можно узнать.

2. Коммуникация любого вида так принадлежит человеку, что она должна сохранять свою возможность и никто не знает, как она будет развиваться дальше.

3. Безграничная коммуникация- это не программа, это- объемлющая сущностная воля философской веры- на этом покоятся намерения и методы коммуникации на всех ее уровнях.

4. Безграничная коммуникация- это не следствие какого-либо знания, но решимость влиять на один из путей в человеческом бытии.

Мысль о коммуникации- это не утопия, а вера. Для каждого существует вопрос, зависит ли он от нее и верует ли он в нее, как в нечто потустороннее или как в нечто со-присутствующее: в нашу человеческую возможность действительного совместного бытия, совместного разговора, обретения таким путем истины и становления на этом пути самими собой. В нашей беде мы постигаем коммуникацию, как основное требование к нам. Просветление коммуникации из всех многочисленных источников в формах объемлющего становится главной темой философствования. Каждодневная задача философствующей жизни состоит в том, чтобы освоить коммуникацию во всех возможных ее осуществлениях.